

Земля – стабильность, устойчивость, а движение Вода учит нас глубоко проникать в суть происходящего и позволяет нам развить в себе интуицию» [1, с. 16].

К традиционному китайскому искусству обращаются многие белорусские художники. Например, выпускница Белорусской государственной академии искусств, автор книги «Китайская живопись» Марина Эльяшевич, в течение нескольких лет изучавшая основы китайской живописи в Пекине, Стамбуле и Москве, работает в таких техниках живописи, как гошуа, суйбоку, гунби, сеи, исследуя тем самым творческие взаимосвязи современного белорусского и китайского искусства. С большим успехом выставки художницы прошли в разных регионах Беларуси.

Китайское искусство, прочно интегрировавшись в выставочное пространство Беларуси и с большим интересом принятое белорусской публикой, стало эффективным средством как трансляции традиционного искусства Китая, насчитывающего более 3 тысяч лет, так и продолжающим звеном в новой и укрепленной многочисленными проектами системой белорусско-китайского взаимодействия. Сотрудничество двух стран является взаимовыгодным и, как показала практика двустороннего партнерства во всем спектре социально-экономических отношений, необходимой и требующей поиска новых форм контактов на уровне отдельных личностей и организаций.

Творческие проекты – выставки, пленэры, мастер-классы, авторские встречи – становятся одним из наиболее действенных инструментов межкультурного диалога Беларуси и Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Оспищева, О.* Мастер-класс по китайской живописи / О. Оспищева // Комсомольская правда в Беларуси. – 2014. – 14 ноября. – С. 16.

Смолик А.И.
(Минск, Беларусь)

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ» СЫМА ЦЯНЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В докладе рассматривается процесс становления истории Китая, основоположником которой был Сыма Цянь. Его «Исторические записки» являются важнейшим источником по истории древнего Китая.

Ключевые слова: древний Китай, история, культура, религия, общество, государство.

The report examines the process of becoming China's history, was founded by Sima Qian. His "Historical Records" is an important source for the history of ancient China.

Keywords: ancient China, history, culture, religion, society, state.

Сознание человека традиционного общества постепенно отрывалось от практики, вырабатывая обобщенные представления о мире, стремящиеся объяснить все сущее и происходящее в природе и в человеческом бытии. Правда, на этой стадии психической деятельности они оказывались иррациональными и могли достигать своих целей лишь фантастически-мистифицирующей трактовкой реальности – мифом. «В цивилизациях примитивных народов, подчеркивал Б.Малиновский, миф отнюдь не лишена содержания выдумка, а, напротив, -- живая реальность, к которой человек постоянно обращается; это ни в коей мере не абстрактная теория и не простое развертывание образов, это кодификация религии примитивных народов и их практической мудрости» [6, с. 107-108].

В древнем Китае уже в мифические времена была осознана и реализована потребность превращения рациональной практической деятельности в особую отрасль духовного производства, цель которого продуцировать, сохранять и транслировать знания о том, что казалось реально существующим. Анализ китайской мифологии позволяет говорить о широком распространении *логографии*, т. е. описания единичного, того, что было. Ценным источником по древнекитайской логографии являются «Исторические записки» («Ши цзи»), автором которых является Сыма Цянь [4]. В 104 г. до н. э. он завершил работу по систематизации собранного многочисленного материала и приступил к изложению истории Китая. Перед тем как раскрыть содержание труда Сыма Цяня следует отметить, что и до него были Ши, т. е. люди ведущие записи. Свидетельством тому являются древнейшие записи на костях, черепаших щитках и бронзовых сосудах. На них содержится информация о событиях при дворе вана, о жертвоприношениях, речи вана. Примером таких письменных памятников являются «Шан шу», «Чунь-цю», «Тао у» и др. При позитивной их оценке все же необходимо отметить их ограниченность. Все они характеризовались исключительной лапидарностью. Например, «Шан шу» состоял всего из 40 иероглифов. В них не было анализа и обобщений исторических закономерностей, причинной зависимости в развитии истории.

Иное дело труд Сыма Цяня, завершение написания которого относится к концу 2-го века до н. э. Анализируемое сочинение состоит из 500 тысяч иероглифов, разбитых на 130 глав. В них излагается история не только ханьцев, но и других народов, связанных с Поднебесной. Автор так охарактеризовал свой труд: «Я как тенетами весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаниями, подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые, то завершались, то разрушались, то процветали, то упали, и вверх веков, и вниз» [4, с. 43]. Если предыдущие записи охватывали непродолжительный отрезок времени, то Сыма Цянь излагает историю с мифических времен до современного ему периода. Автор записок проникает в суть изменений, происходящих в древности, применяя впервые исторический метод. С его помощью историк сумел привести в систему и изложить относительно объективно историю Древнего Китая до 2-го века до н. э.

В главе Бэнь-цзи Сыма Цянь описывает события доисторического периода, где переплетаются мифологические предания древних китайцев с реальными событиями. Мифы и легенды, собранные историком, говорят о множестве событий

и о деяниях героев древнейших эпох. В них вымысел и фантастика перемежаются с отголосками подлинных далеких социальных процессов в жизни первобытных людей, дошедших до потомков в смутной, измененной форме. Несмотря на это современный вдумчивый исследователь найдет здесь немало косвенных данных, раскрывающих древнейшие этапы истории китайского народа. Так, в борьбе Хуан-ди с Янь-ди и Чи-ю, с непокорными сяньюйцами, саньмяо, мань, и слышны отзвуки ожесточенных межплеменных сражений той эпохи. Постоянное упоминание во многих преданиях лишь матери культурного героя, а не отца свидетельствуют о существовании матриархата.

В главе Сыма Цянь много внимания уделяет описанию этапов в освоении природы древними китайцами. Например, Хоуцзи. Владычивающий над Просом спустился с Неба, чтобы дать все злаки людям. Получив семена злаков из небесного мира, он начал возделывать землю и получать богатые урожаи. Своими знаниями и опытом он поделился с народом племени чжоусцев, научив их сеять злаки: Он же, по преданию, начал изготавливать из дерева и камней простейшие сельскохозяйственные орудия и учить своих близких обрабатывать землю. Согласно китайской мифологии, его младший брат по имени Тай-си и его сын Шу-цзюнь также были искусными земледельцами. Шу-цзюнь при обработке земли стал использовать быков вместо людей, что способствовало урожайности.

Довольно детально излагает Сыма Цянь события, связанные с деятельностью героев эпохи Ся (III в. 1-й половины II тысячелетия до н. э.). По мнению современных ученых, в этот период родовое общество уже переживало кризис, зарождались классы. Раздел, посвященный эпохе Ся, историк начинает с представления читателю легендарного родоначальника “династии” сяского Юя, которому китайская мифология приписывает благоустройство всей территории Поднебесной, создание областей, упорядочение рек и озёр и многие другие деяния, суммирующие процессы нескольких тысяч лет. Мифологический аспект деяний Юя выразительно проступает в тексте об усмирении потопа. В сражении с потопом герой опирался на план, начертанный речным духом. С помощью драконов он прорывал реки и каналы, возводил дамбы. Наличие в тексте значительного пласта преданий о потопе, наш взгляд, свидетельствует о том, что тема потопа в китайской логографии явно содержит в себе идеи о начале мира, его организации, преодолении хаоса и установлении порядка. Юя, боровшегося с потопом, по праву можно отнести к творцу земли, ее природных богатств. Так, Юй сам делал реки, прорывал их русла, создавал горы и холмы, рассекал их ущельями, делал равнины, сливал реки в моря и делал сам моря. Безусловно, Юя следует рассматривать как собирательный образ культурного героя, покорителя природы, воплощавшего лучшие черты человек древнего Китая.

Весьма точно изложена Сымом Цянем гидрография Китая, в разделе Записок описано состояние основных речных бассейнов Поднебесной, включая и крупнейшие озера того времени. Современный исследователь найдет здесь подробное описание почв и земель всех регионов Китая. На основании сравнения современного состояния речных бассейнов и почв можно выявить изменение, которые произошли в Китае за последние 3 тысячи лет.

Важное значение в историографическом плане, на наш взгляд, имеет текст главы Инь бэнь цзи. Она посвящена иньской эпохе. Если в предшествующих разделах Сыма Цянь описывал события легендарных периодов, то здесь рассказывается о первом подлинно историческом этапе жизни китайского народа. В главе содержится полный и последовательно хронологический перечень 44 правителей иньской эпохи. Кстати, 36 их имен подтверждены синологами путем расшифровки записей на гадательных костях. Следует отметить, что общая канва истории Инь, представленная в перечне ее правителей подтверждена также эпиграфикой, что повышает ценность главы как исторического источника [4, с. 105].

Несомненный интерес для современных исследователей представляет материал, имеющийся в главе, о местах расположения иньских центров в Бо, Ао, Шаньцю и т. д. Сыма Цянь описывает восемь перемен резиденций иньских правителей. Географические данные расположения ставок правителей подтверждены китайскими археологами. Из частой смены мест резиденций можно сделать вывод о неразвитости общественных отношений в древнем Китае в иньскую эпоху, о значительной роли еще кочевого уклада.

В главах «Основных записей» Сымом Цянем излагается довольно значительное число фактов и сведений о духовной жизни древних китайцев, об их верованиях и культах. Правда, эти материалы разбросаны и весьма отрывочны, но, тем не менее, опираясь на них можно составить общее представление об идеологии и религиозном мировосприятии китайских этносов. А если присовокупить описания этих сюжетов в древней литературе, археологические и этнографические данные, то можно составить картину верований в Поднебесной.

Материал, собранный Сымом Цянем, дает основание утверждать, что у народов древнего Китая широкое распространение получили тотемистические и анимистические верования, зафиксированные также во многих письменных памятниках нарративного характера. Большое место в воззрениях древних китайцев занимает образ Луна («дракон»). Популярность культа дракона, на наш взгляд, объясняется тем, что он некогда был тотемом древних китайских племен. Ряд сиологов даже склонны считать его обобщающим синтетическим образом, в котором слились черты разных тотемов, и, возможно, он пользовался культом как межплеменной предок [1, с. 26]. На наш взгляд, следует согласиться с данной мыслью Вэн Идо. В протокитайском обществе множественность племенного тотемизма усложнялось за счет взаимовлияний племен и этнокультурных общностей, социального развития – выдвигания отдельных племен, а в них – родов, что должно было сопровождаться и приобретением их тотемами особой значимости для данного общества. О том, что Лун был тотемом, говорят и мотивы чудесного рождения предков от драконов. До наших дней дошли многочисленные предания о рождении мифических предков от связи женщины с драконом, рождение культурного героя из крови дракона, о наличии драконовой меты на челе императора. Согласно мифам, от дракона произошел совершенно мудрый правитель Яо.

Многочисленными являются упоминания в китайских мифах о происхождении человека, родов и племен от медведя. Так, Желтый предок (Хуан-ди) при-

надлежал, согласно традиции, к роду «Владеющих медведем». Из сведений, сохранившихся в «Основных записях», следует, что в роли тотемов выступали также различные птицы: ворон, феникс, утка, петух и др. Так, в рассказах о Бийняо, Гуомане, Луаньяо, Фэнхуане, Пэне и других повествуется о том, что птицы участвовали в создании людей, добывали пищу, воду, свет, устанавливали приливы и отливы. Сравнительно-типологическое изучение ряда фрагментов мифов, также подтверждают суждения историка о том, что многие культурные герои соединяют в себе черты человека и чудесных птиц или превращаются в птицу. Так, Гоуман имел тело птицы и лицо человека, Ду Юй, спущенный с неба, после смерти превратился в кукушку.

Встречаются в «Основных записях» фрагментарные сведения о происхождении людей из каких-либо органических и неорганических веществ. Гора, как и камень, в древние времена мыслилась китайцами предком, сородичем. Это подтверждается таким древним письменным памятником как «Каталог гор и морей», где зафиксировано ряд фрагментов о принесении жертв различным горам: «Медведь-горе как Предку приносят в жертву яства и вина, используя утварь по ритуалу Великого Заклания» [3, с.84]; «Горе Хлебного колоса как Предку приносят жертвы, употребляя сосуды и яства, которые полагаются при ритуалах Великого Заклания» [3, с. 91]. В культе гор, на наш взгляд, сохраняются многочисленные элементы так называемого локального тотемизма. В нем элементы фетишизма входят в сложный тотемистический комплекс, в котором выявляются и анимистические компоненты разной стадильности. Культ предков здесь переплетается с космогоническими представлениями.

Исследование текста «Исторических записей» позволяет утверждать, что в нем присутствуют мотивы происхождения родоначальника от растительного тотема. Это хорошо видно из фрагментов рассказа о происхождении ряда племен. Так, согласно преданиям, одним из тотемных растений племени ся была йевлевая слеза, а иньцев – шелковица. В других версиях о происхождении названных племен тотемными растениями называются сосна, кипарис, кедр. Юань Кэ также записал предание о стране Дашиван у Западного моря. Согласно мифу, «На прибрежных скалах в этой стране росли деревья с зелеными ветвями и красными листьями. На таком дереве рождалось много маленьких детей ростом шесть-семь вершков, они висели, приросшие к веткам, вниз головой наподобие луковицы» [5, с. 243].

Таким образом, растения, согласно представлениям древних китайцев, в растительном свете первоначально видели как бы отражение собственных семейных родовых связей, значений, нерархий.

Сравнительно-типологическое исследование текстов «Исторических записей» позволяет нам говорить о том, что в них тотемные предки предстают как существа с не вполне дифференцированной двойственной зоо-антропоморфной природой, в которой явно преобладает человеческое начало. Большинство эти люди, которые в случае необходимости превращаются в соответствующий вид животного или растения.

Анализ текстов «Исторических записей» позволяет нам, судить, что с развитием китайского общества тотемистическая и анимистическая основы религии

постепенно затушевываются. Источниками чудесного зачатия и рождения правителей являются не тотемы, а боги и духи. Так, в религиозно-космологических представлениях древних китайцев создателем всего сущего, в том числе и человека, был верховный дух, высочайший правитель, стоящий во главе иерархически организованного сонма духов, Тянь («небо»). Оно выступает важнейшим понятием древнекитайской логографии. Тянь – верховный дух, высочайший правитель, высшая божественная сила, ниспосылающая на землю награды и кары. Вертикальная ее модель представлялась китайцам в виде девяти небесных сфер, расположенных друг над другом, которые и составляли Небо. Оно было создателем всего сущего: народа, его правителя, пяти движущих начал – металла, дерева, огня, воды и земли. От связи с Землей оно порождало великое множество вещей. Согласно китайской мифологии, у каждой сферы были свои верховные божества. Небесным героем-демиургом, в соответствии с китайской поздней народной мифологией, являлся Тянь-ди, который повелевал всеми божествами и духами. В качестве небесной императрицы выступала Тянь-хоу. В наиболее ранних пластах китайской мифологии упоминается Тайи («великое единство») также как небесное божество.

С развитием космогонических представлений китайцев формируется понимание единого центра. В китайской мифологии сохранился фрагмент мифа о горе Бучжоушань, которая являлась опорой неба. В «Исторических записках» Сыма Цяня повествуется о священной горе Тайшань, где совершались жертвоприношения Небу [1]. Среди пяти гор (У юэ): Бэйюэ («Северный пик»), Чжуньюэ («Срединный пик»), Наньюэ («Южный пик»), Сиюэ («Западный пик») гора Тайшань считалась основной.

По фрагменту текста Сыма Цяня можно судить, что обожествлялась и земля. Ее божеством именовалась Хоу-ту, которой приписывалось также управление сторонами света. Князем земли изображался Ту-бо («дядюшка земли»).

В «Исторических Записках» упоминается также о третьей части трехсферного разделения мира – подземном царстве Диюй, повелителем которого был Дицзан-ван. В его обязанности входило спасение душ из подземного судилища.

Он должен был посещать ад и во имя сострадания и любви переводить души на небо. Страной мертвых повелевала женское божество Си-ванму.

В архаическую модель мира, согласно Сыма Цяня помимо Центра входили четыре страны мира: Восток, Юг, Север, Запад. Каждой страной управлял могущественный покровитель. Так, Дун-вангун, являлся владыкой Востока и обитал в большом каменном жилище. Ростом он был в один чжан (3 м), имел облик человеческий, лицо птичье, а хвост тигра. Покровителем Запада являлся дух Байху в виде злого зверя, отпугивающего всякую нечисть. Владыкой Севера был

Хэй-ди. Богом солнца и повелителем Юга был Янь-ди, который правил южными землями совместно со своим потомком богом огня Чжужуном.

Система духов и божеств, как явствует из трактата Сыма Цяня, была дополнена почитанием духов предков, их обожествлением. Историк описывает три ритуалы: служение духам Неба – тянь шэнь, служение духам земли – ди чжи, служение духам людей – жэнь гуй. По представлениям древних китайцев, в человеке существовала материальная оболочка по и духовная субстанция хунь. По после

смерти человека уходит в землю и превращается в земной дух гуй, а хунь возносится на небо и превращается в небесный дух шэнь. В «Исторических записках» нередко встречаются упоминания о жертвах и службах в честь гуй шэнь, т. е. земных и небесных духов людей, предков, у которых живые испрашивают советов и благословения. Поклонением духам умерших, объясняет Сыма Цянь, создание системы жертвоприношений, многочисленных храмов и алтарей предков, сложного ритуала траура, культа стариков. У ванов и князей, отмечает историк, в честь предков создавалось до семи храмов в зависимости от знатности и положения того или иного правителя.

Из трактата Сыма Цяня видно, что большую роль в идеологии древних китайцев играли мантические (гадательные) обряды. В тексте «Исторических записок» историк описывает ритуал гадания на костях животных, на стеблях тысячелистника. К помощи триграммы и гексаграммы И цзина постоянно прибегали вельможи и императоры. При их дворах гадатели и прорицатели занимали почетное место. Так, Сыма Цянь писал, что Хуан-ди всегда следовал законам Неба и Земли, гаданиям по темному и светлому, толкованиям о жизни и смерти, превратностям существования и гибели [4, с. 134]. Историк сообщает, что в древнем Китае даже существовала наука геомантия, которая определяла степень влияния на судьбы царств различных божеств и духов.

Следовательно, современные ученые на основе исследования текстов «Исторических записок» смогут получить определенные сведения о верованиях и культурах, показать их неразрывную связь с политикой правящей элиты, раскрыть более полно всю сложную систему религиозных и философских взглядов и мышления древних китайцев. Безусловно, многое в трактате Сыма Цяня следует воспринимать критически. Ученый стремился идеализировать политическую и социально-культурную жизнь в древнем Китае. Народ Поднебесной в 3 тысячелетии не был еще просвещенный, высоконравственный, исполненный гуманности, всесторонне благоденствующий. Это отмечает известный российский синолог С.Георгиевский «...что во времена Шуня китайская цивилизация достигла той завидной для всякого народа высоты, о которой мы говорили, -- это вымысел Конфуция, распространенный его продолжателями» [2, с. 116-117].

Анализ текстов «Исторических записок» позволяет нам утверждать, что Сыма Цянь во многом следовал конфуцианским принципам, как самоусовершенствование правителя, забота о народе, соблюдение порядка, установленного Небом, вера в волю верховного владыки, призыв к соблюдению законов и др. В тоже время из текстов трактата явствует, что Сыма Цянь был в большей степени апологетом даосизма и стремился объективно изложить исторические процессы, происходившие в древнем Китае. Вследствие этого «Исторические записки» являются ценнейшим источником для современных обществоведов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вэнь Идо*. Мифы и стихи (Шэньхуа юй ши) / Вэнь Идо. – Пекин: 1957. – с.
2. *Георгиевский, С.* Мифические воззрения и мифы китайцев / С. Георгиевский. – СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1892. – 117 с.

3. Книга гор и морей (Шань Хай Цзин) / Пред., пер. и коммент. Э.М. Яншиной. – М.: Наука, 1977. – 235 с.
4. *Сыма Цянь* Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В. Вяткина; вступ. ст. М.В. Крюкова / Сыма Цянь. – Т. 1. – М.: Наука, 1972. – 439 с.
6. *Юань Кэ*. Мифы древнего / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого / Юань Кэ. – М.: РИСО АН СССР, Наука, 1965. – 496 с.
7. Malinovsky, B. Myth in primitive Psychology / B. Malinovsky // Magic, Science and Religion. – New York, 1955. – pp. 107-108.

*Сяліцкі А.Л.
(Мінск, Беларусь)*

СЕМАНТЫКА КАНЦЭПТУ “ШЛЯХ” У КІТАЙСКІМ МАСТАЦКІМ ПЕЙЗАЖЫ

У артыкуле разглядаецца семантычны змест канцэпту “шлях” у традыцыйным мастацкім пейзажы Кітая. Падкрэсліваецца філасофскі характар пейзажных вобразаў, іх узаемасувязь з духоўнымі ўстаноўкамі даосізму. Архетыпічны вобраз дарогі, шляху трактуецца як метафара працэсу спасціжэння чалавекам гармоніі светабудовы.

Ключавыя словы: *мастацкі пейзаж, шлях, дарога, канцэпт, архетып, прырода*

In article the semantic maintenance of a concept “the way” in a traditional art landscape of China is considered. Philosophical character of landscape images, their interrelation with spiritual fundamentals of Taoism is emphasized. The archetypical image of the road, way is treated as a metaphor of process of comprehension by the person of harmony of the universe.

Key words: *art landscape, way, road, concept, archetype, nature*

Традыцыйны мастацкі пейзаж Кітая з’яўляецца унікальным феноменам сусветнай культуры. Творы гэтага жанру выступалі не толькі мастацкай рэпрэзентацыяй прыроднага ландшафту, але і формай філасофскага спасціжэння гармоніі быцця, арганічнага адзінства чалавека і элементаў светабудовы. Як вядома, на кітайскай мове пейзаж – “шань-шуй” – складаецца з двух іерогліфаў, першы з якіх – “шань” – азначае “гара”, другі – “шуй” – вада. У помніку старажытнакітайскай філасофіі “І цзін” (“Кніга пераменаў”) гара выступала ўвасабленнем светлага, моцнага, актыўнага першапачатку, а вада – цёмнага, слабога, пасіўнага. Такім чынам, слова “шань-шуй” адлюстроўвала не толькі галоўныя пейзажныя матывы, але і з’яўлялася выражэннем канцэптуальных асноваў філасофіі старажытнага Кітая.

Пейзаж у традыцыйнай культуры Кітая з’яўляўся і формай філасофскага сузірвання, і шляхам да пранікнення ў схаваную сутнасць рэчаў. Кожны прыродны вобраз набываўсэнсоўную працягненасць, выступаючы не толькі адлюстраваннем пэўнага ландшафтнага аб’екту, але і шматузроўневым